

День отъѣзда былъ назначенъ. Пароходъ изъ Ливорно, куда я нарочно пріѣхала, чтобы отправится на Капреру, ходить туда всего одинъ разъ въ недѣлю. Сборы мои были не долги. Небольшой чемоданчикъ и пледъ составляли весь мой багажъ. Несмотря на мое твердое рѣшеніе ѣхать и успокоительные рассказы старыхъ итальянскихъ матросовъ, что море въ лѣтніе мѣсяцы (а это было какъ разъ въ концѣ іюля) бываетъ по большей части спокойно, во мнѣ было какое-то не-пріятное чувство. Спать я совсѣмъ не легла. Готовая

Рыбакъ изъ Ливорно.

къ отъѣзду, я сѣла въ кресло, да такъ въ немъ и просидѣла до утра. Окно моей комнаты выходило прямо на море. Оно въ этотъ день, по моему, было не совсѣмъ спокойно, что, конечно, еще болѣе увеличивало мою нервность. Я отворила окно: въ него ворвался запахъ морской воды. Корабли спокойно качались на прозрачныхъ голубовато-зеленыхъ волнахъ. Я взяла свой багажъ и вышла. До парохода надобно было ѣхать три четверти часа въ лодкѣ. Подойдя къ при-

стани, я наняла лодку, сложила въ нее свои вещи и мы поплыли.

День занимался чудесный и, несмотря на ранній часъ, было довольно жарко. Море было гладко, какъ зеркало. А небо, это дивное итальянское небо, точно голубой куполь, покрывало насъ. Такъ какъ было еще рано, то пассажировъ на пароходѣ находилось немного. Прежде всего мнѣ бросилась въ глаза лошадь. Хотя эта лошадь была очень некрасива, но это не мѣшало ей стоять въ нарочно для нея устроенномъ стойлѣ и имѣть подлѣ себя молодаго человѣка, одѣтаго въ красную гарибальдійскую рубашку. Разговорившись съ нимъ, я узнала, что эта лошадь принадлежитъ одному изъ адъютантовъ Гарибальди, что она сдѣлала много походовъ и теперь ее везутъ на покой въ Сардинію, къ дочери этого адъютанта. Черезъ нѣсколько времени палуба начала покрываться народомъ. Движеніе поднялось страшное. Несли корзины съ фруктами, зеленью, бутылки съ виномъ, дѣтей разсаживали по лавкамъ. Вдругъ раздался звонокъ, одинъ, другой, третій, завертѣлись колеса, и мы очутились въ открытомъ морѣ. Берегъ, покрытый народомъ, какъ будто поплылъ. Провожающіе махали шляпами, платками и зонтиками, а мы въ отвѣтъ на ихъ прощанія посылали имъ цѣлые облака густаго, почти чернаго дыма. Пароходъ нашъ, названный „Пьемонтомъ“, быстро несясь впередъ.

Но прежде чѣмъ я перейду къ описанію всего путешествія, скажу нѣсколько словъ о Капрерѣ; исторія ея не сложна и не долга.

Этотъ островъ, одинъ изъ семи, образующихъ Сардинскій архипелагъ, находится между Корсикой и Сардиніей и имѣетъ 22 мили въ окружности. До конца прошлаго столѣтія на немъ не было жителей. Названіе свое онъ вѣроятно получилъ отъ слова Сарга (Коза), такъ какъ на немъ очень много водится этихъ животныхъ.

Первымъ жителемъ этого острова былъ одинъ Корсиканскій разбойникъ; онъ скрывался на немъ вмѣстѣ съ своей же-

ной и дѣтьми. Какимъ образомъ потомство этого скрывшагося разбойника просуществовало тамъ около 70 лѣтъ, никто не знаетъ. Извѣстно только, что 19 лѣтъ тому назадъ тамъ доживалъ свои дни, какъ Робинзонъ Крузе, въ убогомъ шалашѣ, одинъ изъ оставшихся потомковъ этой семьи, Жанъ Батиста Феррачинело. Въ 1840 г. всѣ эти острова были назначены итальянскимъ правительствомъ въ продажу. Часть Капреры была куплена однимъ англичаниномъ, который выстроилъ тамъ себѣ домикъ и вскорѣ умеръ. Домикъ этотъ послѣ его смерти достался его женѣ, которая перенесла его на противулежащій островъ della Moneta. Третьимъ хозяиномъ Капреры, по возвращеніи въ 1855 г. изъ Америки, сдѣлался Гарибальди. Принужденный поселиться на островѣ Маддалену, Гарибальди увидѣлъ передъ собой этотъ одинокій островъ, который въ то время представлялъ изъ себя массу гранита. Его грунтъ былъ покрытъ сплошь камнями, мѣшавшими проявляться какой бы то ни было растительности. Первое жилище Гарибальди, въ которомъ онъ помѣстился съ своими тремя дѣтьми: Менотти, Риччиоти и Терезиною, сохраняется и до нынѣ; это просто сколоченный изъ досокъ амбаръ съ маленькими окнами и желѣзной печкой, которая въ то же время служила и плитой. Два года спустя, послѣ своего тамъ водворенія, Гарибальди занялся разчисткой земли. Вскорѣ появились ароматическія растенія, которыя прежде заглушались камнями, затѣмъ и маленькій домикъ. Чтобы отдѣлить воздѣланную землю отъ невоздѣланной и защитить засѣянные поля отъ набѣговъ звѣрей, была выведена, вышиною въ аршинъ, стѣна. Во всѣхъ этихъ работахъ Гарибальди принималъ самое дѣятельное участіе. Годъ спустя, къ нему пріѣхали два его боевыхъ спутника, Бассо и Барберини, а черезъ пять лѣтъ, когда умеръ его братъ, Гарибальди получилъ въ наслѣдство 40 тысячъ франковъ. За тринадцать тысячъ онъ купилъ у правительства часть Капреры, пятнадцать тысячъ ему стоило небольшое судно; на остальные деньги онъ, съ помощью старшаго сына и своихъ старыхъ друзей,

ИТАЛЬЯНСКІЙ ВИДЪ.

выстроилъ тотъ домъ, въ которомъ и мнѣ удалось провести нѣсколько дней. Но это уже пришло все впослѣдствіи.

Когда грубая работа была окончена, Гарибальди насадилъ кипарисовъ, разныхъ фруктовыхъ деревьевъ, виноградникъ, оливы и сахарный тростникъ.

Изъ Ниццы, мѣста своей родины, онъ самъ лично навозилъ земли и подъ окнами своего дома устроилъ садикъ, метровъ въ восемь въ окружности. Въ этомъ садикѣ каждое деревцо, каждый кустикъ розана имѣетъ свою исторію. Но объ этомъ послѣ, теперь же я вернусь къ описанію моего плаванія, продолжавшагося 15 часовъ. Когда мы плыли, мимо насъ точно облака проносились острова: Горгона, Капрайя, Монтекристо и Эльба. За этими островами показалась Корсика. Горы ея внизу покрыты богатой растительностью и рѣзко отличаются отъ гранитныхъ вершинъ. Мнѣ ни разу не случилось видѣть море такимъ голубымъ и спокойнымъ, хоть я очень долго жила подлѣ него.

Вообще, эта поѣздка была какая-то волшебная. У самого нашего парохода съ необыкновенной смѣлостью выскакивали изъ воды штукъ по пяти, по десяти дельфиновъ разомъ. Птицы разныхъ породъ подлетали близко и съ жадностью накидывались на хлѣбъ, который имъ бросали пассажиры. Послѣ Корсики намъ попался гранитный островъ Кавалло, цѣлая группа острововъ „Лавеццы“ и, наконецъ, прелестный островокъ Санта-Марія, подлѣ котораго море необыкновенно спокойно. Начало темнѣть, сырость многихъ загнала въ каюты, но я не рѣшалась уйдти: мнѣ хотѣлось дожидаться луны, которая вскорѣ, какъ огненный полушаръ, и выкатилась будто изъ моря. Горизонтъ былъ сѣръ, какъ и все окружающее. Море продолжало быть спокойнымъ. По мѣрѣ того, какъ форма луны округлялась, огненный ея обликъ блѣднѣлъ и она начала подниматься все выше и выше, соединяя насъ съ собою ясной серебристой дорогой.

Черезъ два часа на палубѣ все стихло; кто могъ, всѣ ушли по каютамъ, а тѣ, которые остались—спали.

Сырость подь конецъ и меня заставила скрыться въ каюту.

Въ половинѣ третьяго часа раздался колокольчикъ; мы подходили къ острову Мадалены.

— Гдѣ же Капрера? спросила я поспѣшно у капитана.

— Видите эту черную скалу и ту бѣлую точку по срединѣ, сказалъ капитанъ, подавая мнѣ бинокль. Это и есть Капрера, а бѣленькая точка—домикъ Гарибальди.

Когда я возвратилась въ каюту, чтобы взять свои вещи, ко мнѣ подошли какихъ-то три господина, которыхъ я до этой минуты не видала.

— Вы на Капреру? спросилъ меня одинъ изъ нихъ.

— Да, отвѣтила я.

— Мы тоже, сказали они. И если вамъ будетъ не неприятно, то мы проводимъ васъ.

Я охотно согласилась.

Прежде чѣмъ высадиться на Мадалену, насъ повезли въ таможеню.

Спустя три минуты, мы были у пристани, гдѣ стояло съ десятокъ лодокъ; въ нихъ крѣпкимъ сномъ спали рыбаки. Солнце еще не взошло, набережная была пуста, городъ казался вымершимъ. Передавъ нашъ багажъ рыбаку, мы подошли къ бѣленькому двух-этажному домику и постучались въ дверь.

Изъ оконъ выглянула старушка и спросила, что намъ надобно?

— Мы хотимъ переодѣться и немного отдохнуть съ дороги, отвѣчали мы.

— Да вы кто такіе? продолжала спрашивать старушка.

— Да мы итальянцы, ѣдемъ къ Гарибальди.

— А, вы ѣдете къ Гарибальди, сказала она какимъ-то особенно хорошимъ тономъ, это другое дѣло. Подождите немного, сейчасъ разбужу дѣтей.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь отворилась, и насъ ввели въ довольно обширную комнату со сводами. На старомъ

деревянномъ столѣ горѣла лучерна (лампочка) на высокой ножкѣ, въ три рожка.

Комната имѣла видъ подвала, по угламъ стояли бочки.

— Посидите пока здѣсь, говорила, суетясь, старушка, я сейчасъ принесу вамъ вина. Такъ вотъ какъ, продолжала она, пріѣхали повидать нашего генерала. Хорошо сдѣлали, что пріѣхали навѣстить его. Сейчасъ принесу вамъ свѣжаго вина: я, думаю устали съ дороги!

Отъ вина мы отказались и просили поскорѣе помѣстить насъ куда нибудь.

Главнымъ образомъ мои спутники заботились обо мнѣ.

— Сейчасъ одѣнутся мои дочери, привѣтливо сказала старушка, и тогда мы отведемъ ее къ себѣ на верхъ.

Черезъ нѣсколько минутъ меня ввели въ комнату, въ которой въ корзинкахъ, на полу и на кровати, спали дѣти. У старушки было пять дочерей и масса внучатъ. Всѣ эти пять дочерей очень красивыя стройныя итальянки начали наскоро убирать комнату, раздвигать корзинки съ дѣтьми, но я остановила эту совершенно лишнюю работу и упрашивала не тревожить спящихъ малютокъ. Когда постель была готова, я тотчасъ же легла на нее, но болтливость итальянокъ, конечно, не дала мнѣ не только задремать, но даже собраться съ мыслями. Онѣ въ какіе нибудь полчаса рассказали мнѣ, что островъ Маддалена сдѣлался резиденціей моряковъ, что одно время жилъ на этомъ островѣ знаменитый англійскій адмиралъ Нельсонъ, который съ восторгомъ отзывался объ немъ и, уѣзжая, пожертвовалъ въ церковь два подсвѣчника и серебрянный крестъ, а къ жителямъ Маддалены написалъ крайне лестное письмо, которое, вмѣстѣ съ подаренными вещами, находится въ церкви. Церковь эта выстроена самымъ оригинальнымъ способомъ. Въ ея постройкѣ участвовало въ праздничныя дни все населеніе, не исключая женщинъ и дѣтей. Кстати о дѣтяхъ Маддалены; здѣсь каждый мальчикъ, когда ему исполнится 8—9 лѣтъ, тотчасъ же поступаетъ въ ученье къ какому нибудь опытному моряку и

отправляется съ нимъ чуть не въ кругосвѣтное плаваніе. Большею частью уѣзжаютъ въ Африку для ловли коралловъ.

Среди острововъ сардинскаго архипелага Маддалена самый красивый; онъ имѣетъ видъ треугольника и по очертаніямъ своимъ, конечно въ маленькомъ видѣ, напоминаетъ, Сицилію (Маддалена имѣетъ 16 миль въ окружности). Но къ Маддаленѣ я вернусь опять.

Въ 4^{1/2} часа утра, я вмѣстѣ съ моими спутниками вышла изъ дома и сѣла въ лодку; море было спокойно; на небѣ ни одного облачка, окружные острова еще дремали; даже птицъ какъ-то мало попадалось. Три четверти часа отдѣляли насъ отъ бѣлаго домика, который едва началъ виднѣться. Всѣ семь островковъ, окружавшіе насъ, были изъ гранита разныхъ породъ: одни темносѣраго цвѣта съ черными пятнами, другіе розоватые. Вскорѣ увидали мы островъ Кавалла, на которомъ древніе римляне отрыли нѣсколько замѣчательныхъ статуй и колоннъ. Потомъ *Caro dell orso* (голова медвѣдя), форма котораго дѣйствительно напоминала сидящаго на заднихъ лапахъ медвѣдя; эта скала носила свое имя еще 2,000 лѣтъ тому назадъ и до настоящаго времени нисколько не измѣнила своей формы.

Одинъ изъ моихъ спутниковъ высокій, одѣтый во все черное, былъ Кокашьеллеръ, адъютантъ Гарибальди, находившійся съ нимъ въ 1867 г. при Ментанѣ, другой, закутанный въ американское пончіо, сынъ извѣстнаго итальянскаго генерала Стефанелли, ѣхавшій къ Гарибальди изъ Монте-видео, и третій, простой волонтеръ—Валле. Они, какъ и я, съ нетерпѣніемъ ждали свиданія съ Гарибальди.

Кокашьеллеръ, знавшій его близко, говорилъ намъ, что видъ его производитъ чарующее впечатлѣніе. Вы не можете себѣ представить, что это за чистый, что за добрый человекъ! У него для всякаго найдется и доброе слово, и матеріальная помощь, кто въ ней, конечно, нуждается. Онъ всякому помогаетъ чѣмъ можетъ, а самъ живетъ какъ бѣднякъ и одѣтъ какъ бѣднякъ. Другого такого человека, какъ Га-

рибальди, нѣтъ! Хотя были и есть много великихъ людей, великихъ полководцевъ, замѣчательныхъ политиковъ и дипломатовъ, но такихъ самоотверженныхъ, которые бы во имя блага людей забыли личное удобство, личное счастье, личное благосостояніе—нѣтъ. Укажите мнѣ другого такого послѣдователя Христа и носителя Его великаго ученія.

За четверть часа ѣзды до Капреры, мы ясно увидѣли на этой сѣрой скалѣ, имѣющей видъ обширнаго кратера погасшаго вулкана, бѣлый домъ, слѣва въ одинъ этажъ, покрытый плоской крышей съ куполомъ, справа въ два этажа съ террасой. Впереди дома маленькій бельведеръ, влѣво бѣлое зданіе, по краснымъ крыльямъ котораго легко было угадать, что это вѣтряная мельница. Вокругъ безчисленнаго множества гранитныхъ камней, составляющихъ натуральную пристань, миллионами брызгъ разбиваются морскія волны.

Лодка наша подъѣхала къ маленькой пристани. Море было спокойно, и мы по большимъ неровнымъ камнямъ пришли къ берегу, почти не замочивши ногъ.

— Ну, а когда море бываетъ бурно, спросила я у моряка—что тогда?

— О, тогда! отвѣтилъ онъ добродушно, вамъ пришлось бы идти по водѣ и подбирать платье повыше колѣнъ.

Когда мы вступили на землю Капреры, насъ обдало запахомъ ароматныхъ травъ. Этотъ островъ рѣзко отличается отъ Мадалены своимъ безмолвіемъ. У пристани ни одной лодки; вокругъ никакого движенія; на горѣ ни одного жилья, кромѣ домика Гарибальди. Съ пристани дорога идетъ круто въ гору и, по мѣрѣ приближенія къ жилищу, становится все труднѣе и труднѣе.

На половинѣ дороги является стѣна, черезъ которую надобно не безъ усилія перелѣзть. Мѣстами дорога неожиданно пересѣкается кустами миртъ или оторвавшимися отъ скалъ осколками гранита. Мы шли медленно; жаръ усиливался, и кромѣ того, ноги мои постоянно скользили по гра-

нитнымъ обломкамъ или глубоко проваливались между острыми камнями.

Третій спутникъ мой, гарибальдійскій волонтеръ Валле, болѣзненный юноша, вдругъ точно подкошенный упалъ на землю и горько зарыдалъ.

— Что съ вами? спросила я, вамъ дурно отъ жары?

— Нѣтъ, я плачу не отъ жары и не отъ усталости, отвѣтилъ Валле, я плачу отъ счастья, что иду по той землѣ, по которой столько разъ проходилъ нашъ добрый вождь.

Мы шли въ продолженіи получаса; недалеко отъ дома насъ встрѣтилъ адъютантъ Гарибальди, Бассо, смуглый, съ добродушными, энергическими глазами; онъ былъ одѣтъ, несмотря на палящій жаръ въ красную фланелевую рубашку, и изъ толстой парусины брюки; на головѣ его былъ картузь съ большимъ козырькомъ, изъ такой же толстой парусины. Рядомъ съ нимъ стоялъ красивый юноша, одѣтый, какъ и онъ, въ красную рубашку; это былъ, какъ я потомъ узнала, Антоніо, одинъ изъ двадцати пяти работниковъ Гарибальди. На площадкѣ передъ домомъ валялись обрывки всевозможныхъ газетъ, конверты, телеграммы и играли двѣ охотничьи собаки, Ліенна и Арга, какъ отрекомендовалъ ихъ мнѣ потомъ Бассо. Наверху, на бельведерѣ, стояла бѣлая коза, а вокругъ дома по всѣмъ направленіямъ, куда проникалъ только взоръ, ходили куры съ цыплятами и индѣйки. Было только семь съ половиною часовъ утра, а мы уже задыхались отъ жары. Бассо самъ отрекомендовался мнѣ и сказалъ:

— Мы ждемъ васъ давно; генералъ говорилъ мнѣ вчера, что Риччіоти писалъ ему, что вы наконецъ рѣшились ѣхать. Отчего вы не привезли его съ собою? Вамъ было бы веселѣе, а то у насъ на островѣ страхъ какъ скучно.

Въ отвѣтъ на его привѣтствія, я подала ему письмо, прося передать его Гарибальди. Пусть это письмо, прибавила я, послужитъ въ нѣкоторомъ родѣ рекомендаціей.

— Полноте, идите прямо, зачѣмъ предупреждать? онъ человѣкъ простой, докладовъ не любитъ и принимаетъ у

себя только людей ему извѣстныхъ; для любопытныхъ, ² которыхъ прежде пріѣзжало много, онъ давно сдѣлалъ заявленіе въ газетахъ, что онъ нездоровъ, занятъ и потому никого къ себѣ не принимаетъ.

Послѣ этихъ переговоровъ, мы направились къ двери и вошли сначала въ небольшія сѣни; направо отъ насъ шель корридоръ, прямо дверь, плотно затворенная, а налѣво кухня.— Пройдите здѣсь, сказалъ мнѣ Бассо. Кухня была очень большая, и въ ней, несмотря на то, что было очень ³ рано, уже кипѣла работа. Направо, у входа, стоялъ большой бѣлый столъ, покрытый приготовленными тарелками, надъ столомъ полки съ посудой, немного далѣе, у водоподъемной машины, стоялъ гарибальдіецъ и наполнялъ родниковой водой графинъ. На другомъ столѣ была разбросана зелень: турецкіе бобы, морковь, капуста, салатъ, свѣжіе орѣхи, миндаль и сливы.

Другой гарибальдіецъ чистилъ въ большую глиняную миску горошекъ, двое разливали въ большія бутылки вино. Около печки, устроенной въ родѣ нашей русской, на прорванномъ соломенномъ стулѣ, было положено нѣсколько вѣтокъ кипариса и тополя; концы этихъ вѣтокъ горѣли подъ треножникомъ, на которомъ стоялъ чугунокъ съ кипящею водою. Средняго роста крестьянка подошла къ столу, взяла приготовленную зелень, положила ее въ кипящую воду и сказала съ улыбкой входящему со мной Бассо.

— Хоть бы вы пошли да настрѣляли чегонибудь къ обѣду, а то чѣмъ мы будемъ угощать нашихъ гостей.

— Наши гости не взыщутъ, отвѣтилъ ей Бассо и открылъ дверь.

Вся обстановка кухни поразила меня своей простотой, чтобы не сказать бѣдностью; въ ней не было видно ни одной мѣдной кастрюли, ни одной сносной миски, и черезъ этотъ убогій ходъ идутъ къ человѣку, который могъ бы быть диктаторомъ, президентомъ и величайшимъ богачемъ. Конечно, онъ тогда пересталъ бы быть Гарибальди, тѣмъ ве-

ликимъ идеальнымъ героемъ, которому поклоняется весь міръ.

— Что вы задумались? спросилъ меня Бассо.

Изъ кухни мы вышли въ какой-то кривой корридорчикъ, гдѣ стояла жестяная ванна, потомъ въ довольно большія сѣни.

При входѣ, направо стояло кресло, которсе управлялось какъ велосипедъ. Прямо противъ насъ была отворена дверь въ садикъ, гдѣ цѣлыми кустами росли алоэ, индѣйскія фиги, кипарисы, лимонныя и миндальныя деревья. Декораціей этому садику служили гранитныя скалы, по срединѣ которыхъ виднѣлся бѣлый каменный домикъ.

— Что это за домикъ? спросила я у Бассо.

— Это бывшая лабораторія нашего Риччіоти. Когда онъ жилъ здѣсь,—а жилъ онъ очень не долго,—то занимался химіей. Эти усидчивыя тихія занятія шли въ разрѣзъ съ его боевой натурой.

— Ну, а эта дверь направо?

— Это кабинетъ и спальная Гарибальди.

— А это налѣво?

— Это приѣмная, куда я васъ сейчасъ и введу.

Направо отъ двери, ведущей въ приѣмную, находилась вдѣланная въ стѣнку балка, на которой были точно нанизаны шитые золотомъ и разноцвѣтными шелками суконные и бархатные чепраки, нѣсколько сѣделъ, двѣ-три попоны, недоуздки, уздечки и, наконецъ, въ углу стояло свернутое итальянское трехъ-цвѣтное знамя.

Бассо отворилъ дверь, и я не безъ волненія, вмѣстѣ съ моими спутниками, переступила порогъ комнаты. Гарибальди сидѣлъ за очень большимъ, выкрашеннымъ черной краской столомъ на простомъ соломенномъ стулѣ; онъ былъ одѣтъ въ бѣлую, съ черными мушками, ситцевую рубашку; вокругъ шеи широко повязанъ черный галстухъ. На головѣ была надѣта красная кашемировая, вышитая разными шелками, съ кистью, феска, изъ подъ которой виднѣлись довольно

длинные, темнотолотистыя съ просѣдью волосы. Борода подстриженная, на половину сѣдая, но между этими сѣдинами было еще довольно много совершенно золотыхъ волосъ.

Приемная комната Гарибальди отличается необыкновенной простотой; въ ней штукъ пятнадцать стульевъ, наполовину почти негодныхъ къ употребленію; на одномъ прорванномъ стулѣ была наложена доска, предохраняющая сидящаго отъ паденія. Столъ былъ заваленъ газетами, новыми книгами и письмами; все это было привезено сегоднѣшней почтой. Налѣво отъ стола былъ каминъ, на которомъ, съ одной стороны, стояла бутылка съ масломъ, заткнутая бумажкой, а рядомъ съ ней статуэтка Данте. Надъ каминомъ фотографія съ парохода „Пьемонте“, того самаго, на которомъ мы ѣхали и на которомъ Гарибальди бралъ Сицилію, а рядомъ съ нею другая фотографія съ памятника Альфіери. У средняго окна помѣщался старый престарый, съ разбитымъ стекломъ шкафъ съ посудой. Нельзя себѣ представить ничего разнохарактернѣе этой посуды; подлѣ бокала изъ богемскаго хрустала стояла простая, бѣлая, даже не фарфоровая чайная чашка; подлѣ великолѣпной севрской вазы для цвѣтовъ — бутылъ изъ зеленаго стекла. Въ углу стоялъ, тоже очень старый, ломберный столъ, подъ которымъ, въ бѣлыхъ ящикахъ, видна была разныхъ сортовъ мука, принесенная, вѣроятно, съ мельницы для пробы. Надъ этимъ столомъ висѣли два закоптѣлыя знамени. Эти знамена напоминаютъ одинъ изъ самыхъ славныхъ эпизодовъ прошлаго: одно изъ изъ нихъ было поднесено Гарибальди во время пребыванія его въ Америкѣ, въ Монтевидео, послѣ битвы при С.-Антоніо, 8-го февраля 1846 г.

Увидавъ меня, Гарибальди всталъ и, взявъ свои костыли, сдѣлалъ мнѣ на встрѣчу нѣсколько шаговъ и протянулъ руку: я поспѣшила поскорѣе подойти. Со мной вошли и мои три спутника-гарибальдійца, которымъ онъ, уже сидя, пожалъ руки. Несмотря на большое желаніе сказать ему что либо, я не могла.

Когда я подала Гарибальди письмо отъ его друга и вѣрнаго солдата Кастеллацо, онъ надѣлъ *rinse-nez* и попросилъ у меня позволенія тотчасъ-же его прочесть.

Пока онъ читалъ, я имѣла возможность разсмотрѣть его лице. Ни одна изъ фотографій, которыхъ такое многое множество распространено по цѣлому свѣту, не даетъ точнаго понятія объ этомъ дивномъ лицѣ. Когда онъ снялъ свою шапочку, я могла разглядѣть его открытый лобъ, бѣлый, какъ слоновая кость, безъ всякаго признака морщинъ. На верхней части головы волосы очень рѣдки и совершенно сѣдые; его густыя брови красивой формы, тоже почти сѣдые, онѣ идутъ какъ у древнихъ античныхъ головъ, низко надъ глазами. Носъ составляетъ одну линію со лбомъ; цвѣтъ лица свѣжій, съ довольно яркимъ румянцемъ; глаза каріе, съ длинными темными рѣсницами. На его красивыхъ губахъ выражается необыкновенная доброта и очень часто появляется улыбка, сообщающая глазамъ и всему лицу что-то удивительно чистое и безмятежное. Зубы его бѣлы и крѣпки; ростъ средній, станъ довольно стройный и скорѣе худой, нежели плотный; его руки были бы очень красивы, если-бы пальцы не были сведены ревматизмомъ.

Положивъ письмо на столъ, онъ обратился ко мнѣ.

— Я вамъ очень благодаренъ за моего Кастеллацо; вашъ голосъ былъ первый, который проникъ къ нему въ темницу послѣ годоваго заключенія; благодарю васъ также за моихъ гарибалдійцевъ, съ которыми вы раздѣляли ихъ тяжелые дни въ Римѣ и о которыхъ вы вспомнили, когда они были подъ Дижономъ. Уходамъ за моими ранеными вы больше всего могли доказать ваше ко мнѣ сочувствіе; я никогда этого не забуду.

Кастеллацо пользуется большою извѣстностью въ Италіи, какъ по своимъ литературнымъ трудамъ—онъ пишетъ подъ псевдонимомъ *Rivalta*,—такъ и тѣмъ, что онъ былъ въ 1848 г. неразлучнымъ спутникомъ Гарибальди.

Долго разспрашивалъ меня о немъ Гарибальди, а также

и о своемъ сынѣ Риччіоти. Затѣмъ разговоръ сдѣлался общимъ. Но Гарибальди замѣтилъ мой усталый, взволнованный видъ и, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— А теперь я бы вамъ посовѣтовалъ отдохнуть, поэтому не угодно ли вамъ будетъ пройти въ приготовленную для васъ комнату; она не изящна, но то небольшое, что я имѣю, я отдаю въ ваше полное распоряженіе.

Я поблагодарила Гарибальди за дѣйствительно дружескій пріемъ и сказала, что вещи мои я оставила въ Маддаленѣ, куда я, боясь его стѣснить, хочу вернуться.

— Въ Маддаленѣ?.. сказалъ онъ совершенно удивленный. Бассо! пошлите сейчасъ за вещами.

— Нѣтъ, прошу васъ, не посылайте, сказала я; я хочу сегодня же поѣхать въ Маддалену, — тамъ народный праздникъ. Я оставила и лодочника, который ждетъ меня.

— Отошлите его, сказалъ Гарибальди, моя лодка, пока вы здѣсь, будетъ постоянно къ вашимъ услугамъ; мнѣ очень жаль, что я не могу окружить васъ всѣми удобствами, но что дѣлать...

Пожавши крѣпко ему руку, я вышла отъ него, точно больная.

Комната Риччіоти, которая была предназначена мнѣ, лишена почти всякой мебели, зато изобилуетъ полками съ книгами. Между ними я нашла сочиненіе о мифологіи Деклостра, „Божественную Комедію“ Данта, учебникъ геологіи, Шекспира, множество книгъ по части химіи, астрономіи, политической экономіи и социальнымъ наукамъ. Посреди комнаты стоялъ большой столъ, заваленный газетами, покрытыми густымъ слоемъ пыли; въ одномъ углу — небольшая постель, подъ полотнянымъ балдахиномъ, въ другомъ — поставленные въ козла три ружья со штыками. На стѣнахъ висятъ пистолеты и нѣсколько кинжаловъ.

Осмотрѣвъ мою комнату, я хотѣла отправиться посмотреть островъ, но насъ позвали обѣдать. Я взглянула на часы, — было всего половина десятаго.

— Генеральъ встаетъ въ половинѣ пятаго, пояснилъ мнѣ Бассо, пьетъ козье молоко, изрѣдка кофе и идетъ гулять по острову. Вернувшись часамъ къ семи, онъ читаетъ, пишетъ, а потомъ мы обѣдаемъ. Нашъ обѣдъ, когда мы одни— а это бываетъ почти постоянно—длится не долго. Послѣ обѣда онъ отдыхаетъ часа два, затѣмъ снова занимается. Вечеркомъ опять гуляетъ, такъ часовъ до восьми, потомъ, вмѣсто ужина, выпиваетъ чашку молока и затѣмъ уже ложится совсѣмъ въ постель.

Когда мы вошли снова въ приѣмную, столъ былъ уже накрытъ. Гарибальди не было. На столѣ, вмѣсто скатерти, лежала совсѣмъ новая клеенка; кромѣ трехъ большихъ зеленого стекла бутылей—двухъ съ виномъ и одной съ водой, стояли сыръ, кусокъ жареной дикой козы, хлѣбъ, имѣющій видъ морской звѣзды (особенность Капреры), миндаль, орѣхи и сливы.

— Кто у васъ обѣдаетъ? спросила я у Бассо.

— Да кромѣ васъ и вашихъ спутниковъ никого; остальные всѣ свои домашніе.

Во время нашихъ разговоровъ въ комнату вошелъ небольшого роста человѣкъ; одѣтъ онъ былъ въ толстую, изъ сѣраго холста блузу; его вьющіеся черные волосы были почти сѣды. По мускулистымъ мозолистымъ рукамъ я приняла его за рабочаго.

— Эдуардо Барберини! отрекомендовалъ мнѣ вошедшаго Бассо. Это нашъ храбрый солдатъ, другъ и работникъ, механикъ и поэтъ, словомъ—это наше средство къ существованію. Вотъ уже пятнадцать лѣтъ, какъ онъ не разстается съ нами. Въ мирное время онъ вмѣстѣ съ остальными работниками обрабатываетъ землю, косить, сѣять, убираетъ хлѣбъ. Наша мельница, водоподъемная машина и другая, для дѣланія оливковаго масла—его изобрѣтенія; механизмъ послѣдней приводится въ движеніе однимъ бараномъ, за которымъ онъ самъ слѣдитъ, а, когда онъ устаетъ, то замѣняетъ его своею собственною особою. Въ его вѣдѣніи

находятся пчелы, которыхъ генераль очень любить. Онъ, кромѣ того, большой охотникъ до рыбной ловли; всѣ наши лодки, не исключая и той, на которой въ 1867 г. генераль бѣжалъ съ Капреры, тоже его изобрѣтенія.

Барберини совершенно сконфузился отъ такой рекомендаціи.

— Какъ же вы себя то отрекомендовали нашей гостѣ?—спросилъ Барберини, обращаясь къ Бассо.

— Что говорить обо мнѣ! я просто секретарь генерала и свободное отъ занятій время провожу на охотѣ; коза, которую вы сейчасъ будете кушать, была мной застрѣлена вчера; жаль только, что генераль не позволяетъ много охотиться и постоянно, видя меня съ ружьемъ, говоритъ: „прошу васъ, Бассо, не убивайте безъ нужды ни птицъ, ни звѣрей.“

Черезъ нѣсколько минутъ пришли въ комнату мои спутники, Антоніо и еще нѣсколько человѣкъ, имѣвшихъ видъ работниковъ. Вслѣдъ за ними, опираясь на костыль и палку, вошелъ Гарибальди.

— Прошу васъ садиться вотъ здѣсь, и онъ показалъ мнѣ на мѣсто подлѣ себя. Потомъ, посмотрѣвъ на клеенку, обратился къ Бассо:—какъ хорошо сдѣлали, что прислали ее, а то бы мы и сегодня обѣдали на газетахъ.

Привычка постилать вмѣсто скатерти газеты была такъ велика, что на другой же день клеенка стояла свернутая въ трубку въ углу, а газеты, какъ и прежде, фигурировали вмѣсто скатерти.

Обѣдъ начался. Одинъ изъ гарибальдійцевъ, котораго я видѣла въ кухнѣ готовящимъ зелень, принесъ супъ, другіе двое несли тертый сыръ и какіе-то фрукты. Поставивъ все это на столъ, они заняли мѣста вмѣстѣ съ нами. Едва успѣли разлить супъ, какъ черезъ отворенныя окна начали влетать одинъ за другими цыплята. Смѣлость ихъ простиралась до того, что они подходили къ тарелкамъ и выклевывали изъ супа горохъ. Другіе прохаживались по столу и подбирали крошки. Ихъ примѣру послѣдовали двѣ собаки, которыя, пе-

ревеса черезъ подоконникъ свои лапы, давно вдыхали въ себя вкусный запахъ супа и, наконецъ, перескочили черезъ окно и подбѣжали къ столу.

— Вамъ, вѣроятно, кажутся странными такіе собесѣдники, обратился ко мнѣ съ улыбкой Гарибальди. Но что дѣлать? Это я самъ приучилъ ихъ. Живя одиноко, я дорожу ихъ дружбой и позволяю имъ нѣкоторыя вольности. Только что онъ успѣлъ это сказать, какъ у средняго окна появились двѣ лошади, одна бѣлая „Ментана“, другая караковая „Марсалла“.

— Ихъ только не доставало, смѣясь замѣтилъ Гарибальди и, взявъ свою палку, медленно понесъ имъ по куску хлѣба.

— Моя „Марсалла“ много для меня сдѣлала во время похода, и я теперь плачу ей за прошлыя услуги. Она ходитъ на свободѣ, раскованная; рано утромъ отправляется въ поле и возвращается только къ обѣду, потомъ снова уходитъ, и только послѣ солнечнаго заката отправляется въ свою конюшню. Я бы вамъ совѣтовалъ распорядиться осѣдлатъ ее и поѣхать осмотрѣть Капреру: идти пѣшкомъ черезчуръ утомительно. Правда, у меня нѣтъ женскаго сѣдла, но я велю вамъ дать одно изъ моихъ, самое спокойное; поѣзжайте, а главное, не стѣсняйтесь принятымъ обычаемъ ѣздить, что называется, по дамски. Садитесь такъ, какъ вамъ будетъудобнѣе.

— Я надѣюсь, прибавилъ онъ съ добродушной улыбкой, что вы поживете у меня подольше.

— Только одну недѣлю, отвѣтила я не безъ грусти. Мнѣ уже пора возвращаться въ Россію.

— А, что живъ вашъ Пироговъ?

— Да, живъ.

— Я очень ему благодаренъ и помню какъ сейчасъ, какъ онъ, видя меня страдающимъ, говорилъ: „Постарайтесь не думать о вашей ранѣ“, я бы и дѣйствительно не думалъ о ней, если бы она была нанесена мнѣ всякой другой рукой, только не итальянской.

Гарибальди во время обѣда былъ очень веселъ и много

говорилъ. Онъ разсказалъ мнѣ, между прочимъ, что былъ въ Одессѣ. Онъ ѣздилъ туда вмѣстѣ съ своимъ дядей, когда былъ еще простымъ морякомъ. Разговаривая, Гарибальди замѣтилъ, что я забыла объ обѣдѣ.

— Вашъ супъ простынетъ, напомнилъ онъ мнѣ;—нашъ обѣдъ, какъ вы видите, не особенно роскошенъ, а потому его надобно ѣсть, покрайней мѣрѣ, горячимъ. Впрочемъ, все, что вы видите на столѣ, получается на Капрерѣ; мы покупаемъ только сахаръ, кофе, чай и сигары. Если бы вы были мужчина, я бы поподчивалъ васъ недурной сигарой.

Окинувъ глазами столъ, онъ замѣтилъ два не занятыхъ мѣста и, обращаясь къ Бассо, спросилъ:

— Почему ихъ сегодня нѣтъ?

— Еще не вернулись съ работы, отвѣтилъ Бассо.

Гарибальди спрашивалъ о двухъ работникахъ и очень беспокоился, что кушанье остыло.

— Что вы думаете сегодня дѣлать? спросилъ меня Гарибальди, вставая изъ за стола.

— Я поѣду на Маддалену посмотрѣть на праздникъ и къ вечеру вернусь снова къ вамъ.

— А я пойду отдохнуть. До свиданія.

А. Толивѣрова.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА.

(Народная сказка).

АВНО-ДАВНО когда-то встарь,
Въ дѣвѣдомѣ какомъ-то
царствѣ,
И въ тридесатомъ государ-
ствѣ,

На свѣтѣ жилъ съ царицей царь.
Въ утѣху старости своей,
Троихъ имѣлъ онъ сыновей:
Два старшихъ сына—молодца
Совсѣмъ похожи на отца,
А третій—къ третьему всегда
Привяжется лихъ бѣда —
Былъ онъ не то что глуповатъ,
А такъ, немножко простоватъ;
И царь съ царицей угадали —
Ему Ивана имя дали.

* * *

Задумалъ царь женить сыновъ.
И вотъ, не тратя лишнихъ словъ,
Зоветъ ихъ, каждому изъ рукъ
Даетъ подарокъ дорогой —
Съ стрѣлой и съ тетивой тугой,
Съ колчаномъ, богатырскій лукъ:
„Стрѣляйте, дѣтки, кто какъ можетъ!..
И гдѣ съ лука стрѣла падетъ,

Тамъ васъ и суженая ждетъ...
 И пусть вамъ въ этомъ Богъ поможетъ!“
 Сейчасъ же, Богу помолившись,
 Царю съ царицей поклонившись,
 Отправились во всѣ концы,
 По тремъ дорогамъ, молодцы.

* * *

И старшій братъ стрѣлу метнулъ...
 Куда?.. къ кому она попала?..
 Бѣжить, запыхавшись, взглянулъ —
 Къ боярину во дворъ упала;
 Тамъ, у косящета окна,
 Въ высокомъ терему, одна,
 Боярская сидѣла дочь:
 „Такую и желалъ точь-въ-точь!“
 Къ царю-отцу женихъ спѣшить:
 „Что скажетъ?.. чѣмъ онъ порѣшитъ?“
 Потомъ стрѣляетъ средній братъ;
 Узналъ куда — и радъ-ужь-радъ!..
 Къ купцу летитъ его стрѣла,
 А у купца того была
 Красавица родная дочь:
 „Такую и желалъ точь-въ-точь!..
 Къ царю-отцу женихъ спѣшить:
 „Что скажетъ?.. чѣмъ онъ порѣшитъ?“
 Вотъ, послѣ всѣхъ ужъ, наконецъ,
 Иванъ стрѣляетъ, молодецъ...
 „О, Господи!..“ — стоитъ и плачетъ...
 Огромная лягушка скачетъ!
 „Ко мнѣ стрѣла твоя упала,
 Въ мой теремъ золотой попала!..
 „Ну, убирайся!..“ злобно вскрикнувъ,
 Въ слезахъ и головой поникнувъ,
 Къ царю женихъ нашъ не спѣшитъ:
 „Охъ, страшно!.. чѣмъ онъ порѣшитъ?“

* * *

На утро царь, со всѣхъ сторонъ
 Собравъ князей и воеводъ,
 Бояръ, дворянъ и весь народъ,
 Возсѣлъ съ царицею на тронъ;

Зоветь къ отвѣту сыновей,
Чтобъ каждый предъ гостями могъ
Похвастать суженой своей —
И чѣмъ порадовалъ ихъ Богъ.
Несмѣтною толпой народъ,
Вокругъ крыльца и у воротъ,
Ждетъ молча, затаивъ дыханье...
И вдругъ — и кличъ, и ликованье!..
За старшимъ средній братъ идетъ,
И каждый за руку ведетъ
Румяну, статну, бѣлолицу,
Какъ паву, красную дѣвицу!..
И блескъ, и радость въ ихъ очахъ,
И гордость въ поступи, въ рѣчахъ —
Въ восторгѣ всѣ отъ тѣхъ невѣсть!..
И царь съ царицей, вставши съ мѣсть,
При низкомъ молодыхъ поклонѣ,
Берутъ по дорогой иконѣ,
На чѣстный бракъ благословляютъ,
Потомъ цѣлуютъ, поздравляютъ,
Сажаютъ ихъ съ собою рядомъ;
А нашъ Иванъ, съ печальнымъ взглядомъ,
Идетъ одинъ, какъ сирота —
И честь ему совѣмъ не та:
Подходитъ онъ, стыдомъ горя,
И, лишняго не говоря,
Царю-отцу все приключенье,
Съ лягушкою своей мученье,
Все такъ, какъ было, разказалъ.
„Чего-жъ ее не показалъ?..
Отвѣтилъ царь, „ты не дури!..
Что Богъ послалъ, то и бери!
Жалѣй ее!.. вѣдь, все-жъ она
Твоя законная жена!..
Ну, православные!.. весь міръ
Я созову на брачный пиръ!
И виноватыхъ всѣхъ прощаю!..
И наши прадѣды едва-ли
Такъ веселились, пировали,
Какъ я васъ нынче угощаю!“

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

ИЗЪ ПЕРЕШИСКИ ДВУХЪ ДРУЗЕЙ.

Письмо изъ подмосковной деревни.

КАЖЕТСЯ, еще не Богъ знаетъ, какъ давно мы разстались, милый Анатоль, а сколько новыхъ впечатлений пережили,—конечно, ты гораздо больше моего. Чего-чего не насмотрѣлся ты, проѣзжая Германію, Францію, Швейцарію; хотя, можно сказать, мелькомъ, но все же видѣлъ и Парижъ, и Рейнъ съ его водопадомъ и рыцарскими замками по скаламъ,—должно быть все это очень хорошо; но мнѣ, я думаю, больше понравились бы тихія долины Швейцаріи съ ихъ шале: кругомъ альпы, ихъ снѣговія вершины исчезаютъ въ облакахъ; въ горахъ звенятъ колокольчики стада, слышится свирѣль пастуха,—пѣсня горца, и какъ-то хорошо, какъ-то спокойно становится, когда все это представишь себѣ. Я люблю и простую природу, и простую народную музыку, и народную пѣсню: конечно, наши русскія больше дру-

гихъ, но вообще всѣ народныя пѣсни, которыя я слыхала, нравятся мнѣ гораздо больше оперъ; представь себѣ, — въ операхъ я скучала, можетъ потому, что еще не доросла до пониманья высокой музыки, а пѣсня мнѣ понятна, — не только въ словахъ ея, но въ самыхъ звукахъ я чувствую и природу и жизнь того народа, въ которомъ она родилась.

Твой описанія альпійской флоры, которыя ты присылалъ еще папѣ, очень нравились не только ему, но и дядѣ Жозефу. Дядя до того увлекался ими, что для ихъ поясненія привозилъ намъ свой гербарій альпійскихъ растений и восхитительную коллекцію рисунковъ розъ, — розы составляютъ обширное семейство, среди котораго занимаетъ не послѣднее мѣсто и альпійская роза, какую ты мнѣ прислалъ изъ Швейцаріи. Я ее берегу, хотя она совсемъ засохла. Вотъ уже четыре мѣсяца тому, какъ мы все это получили; другой мѣсяць, что я у бабушки живу. Какъ быстро время-то идетъ!

Пришли намъ цвѣтовъ изъ Италіи, — тамъ, должно быть, ихъ страшная масса, судя по описанному тобою прелестному празднику цвѣтовъ. Хотя я и имѣю нѣкоторое понятіе объ Италіи, но о праздникѣ цвѣтовъ никогда не слыхала прежде. Быть можетъ, на него присылаютъ цвѣты со всего государства. Вѣрно Италія затоплена цвѣтами.

Твой письма очень милы и живы: читая ихъ, намъ кажется, что мы все это видимъ сами. Я говорю мы, потому что дядя и бабушка чрезвычайно интересуются ими, и мы ихъ читаемъ всегда вмѣстѣ.

Въ Римѣ тебя увлекаетъ все, — меня же, какъ кажется мнѣ, тамъ больше всего заняли бы древніе остатки міра Капитолія, Пантеона, Форума, — и еще больше остатки первоначальнаго міра христіанскаго.

Кстати, прилагаю тебѣ рисунокъ развалинъ *forum romanum*; мнѣ такой рисунокъ показывалъ дядя, а я его срисовала для тебя, — да, я сама срисовала карандашемъ и тушью, и не сквозь стекло, а прямо отъ руки.

Міръ древній, должно быть, былъ много величественнѣе настоящаго. По камню, по колоннѣ, по остаткамъ катакомбъ, термъ, дворцовъ, хотя поросшихъ мохомъ и обвитыхъ плющемъ, можно представить себѣ, что это была за жизнь. Вѣроятно, на этихъ остаткахъ сохранилось царственное выраженіе и слѣды всѣхъ извѣстныхъ народовъ и событій того времени. Вѣдь цѣлый міръ принадлежалъ Риму. Какъ же было не образоваться широчайшему размаху жизни! а теперь,—нѣтъ? куда до него настоящему! Когда я сравниваю то, что знаю изъ исторіи древняго Рима, съ тѣмъ, что слышу о немъ теперь, то нахожу, что онъ далеко отсталъ отъ прежняго: хотя и въ нынешнемъ есть пропасть хорошаго, и жизни много, и природа та же,—природа не могла же измѣниться—но самъ то Римъ не тотъ. Нѣтъ ни наружной грандіозности, ни могущества великаго народа. Говорятъ, настоящій Римъ сложился въ самую скучную пору его жизни, скука въ немъ страшная, и за исключеніемъ предметовъ искусства, остатковъ прежняго и воспоминаній, мало въ немъ привлекательнаго. Но ты кажется, не скучаешь, чему я сердечно рада.

Дядя Жозефъ каждый вечеръ занимается со мной исторіей. Я чрезвычайно люблю этотъ предметъ, потому что въ исторіи говорится то, что было съ людьми въ самомъ дѣлѣ, а не выдуманно.

Письма твои изъ Рима навели насъ на мысль начать и наши занятія съ него же. Только ты пишешь изъ Рима новаго, а мы съ дядей забрались въ Римъ древній, — я буду писать тебѣ то изъ него, то изъ нашихъ огородовъ и птичнаго двора.

Жозефъ началъ свои историческіе рассказы съ краткаго очерка древняго міра вообще настолько, насколько онъ соприкасался съ Римомъ. Ты знаешь, что я уже училась исторіи и читала изъ нея довольно много съ мамой; но то, что рассказываетъ дядя и, какъ онъ рассказываетъ, то совсѣмъ другое. Въ его рассказахъ есть что-то, что освѣщаетъ общую связь предметовъ и даетъ имъ жизнь. Я слушаю дядю съ увле-

ФОРУМЪ.

ченієнь, и не только я, но и бабушка такъ заинтересовывается его рассказами, что, слушая его, опускаетъ на колѣни свое вязанье.

Днемъ, въ своей комнатѣ, я записываю наши уроки, конечно далеко не такъ полно и не такъ живописно, какъ рассказываетъ дядя, у меня только очерки, чтобы не забыть; но, когда я пишу, мнѣ живо представляется тотъ великій міръ, котораго ужъ нѣтъ больше, границами котораго, во время его полной силы, были: съ юга—пустыни Африки, Атласъ, пороги Нила, счастливая Аравія; съ востока—Евфратъ, Босфорское царство; на сѣверѣ—Шотландія, а Рейнъ и Дунай отдѣляли его отъ народовъ варварскихъ.

Представь себѣ, что за гранью римскихъ владѣній начиналось неизвѣстное образованному міру. Вотъ тамъ границы!

Собственно Римскаго государства границы были опредѣлены; но то, что составляло міръ римскій и на что Римъ имѣлъ вліяніе, то было все остальное извѣстное. Римское государство окружали царства и народы, которыхъ оно было или властелиномъ, или покровителемъ, или сильнымъ союзникомъ—и всѣ они передъ нимъ преклонялись.

Центромъ сближенія этого міра было Средиземное море. Подъ его дивнымъ небомъ, среди волшебной природы, возникли: Греція, Египетъ, Карѳагенъ, Іерусалимъ, Римъ, Венеція, Генуя и много другихъ государствъ и городовъ—и сколько великихъ людей тутъ было! какія великія дѣла дѣлались!—торговля, образованность, гражданскія общества—все въ грандіозныхъ размѣрахъ.

По рѣкамъ, впадающимъ въ Средиземное море, шли пути въ глубину самыхъ отдаленныхъ странъ. По Средиземному морю, какъ по большой дорогѣ, всѣ народы и города другъ съ другомъ входили въ разныя сношенія, а римскіе флоты разносили по немъ повелѣнія цезарей въ Испанію, Сирію, Египетъ и въ прочія страны. Казалось, что лучше того, что было, и быть не могло; а въ самомъ-то дѣлѣ вышло не такъ.

Въ то время, какъ древній міръ дошелъ до такого совершенства, какое повидимому только и возможно, какъ оказалось, что оно было возможно только для него, а не для всего человѣчества; въ это время на востокѣ тихо занималась заря міра новаго, міра другой жизни, которой и не подозревалъ міръ древній; она освѣщала младенца и женщину, которую ангелы привѣтствуютъ матерью сына Божія.

При святыхъ словахъ Евангелія, прелестныхъ, но ограниченныхъ декораціи древняго міра исчезаютъ—открывается безграничная даль, въ которой личность человѣка поднимается до необыкновенной высоты, и люди впервые слышатъ, что они такое, — Сынъ Божій говоритъ имъ: „Будьте совершенны, какъ совершенны Отецъ вашъ небесный“.

Такъ въ одинъ вечеръ рассказывалъ мнѣ Жозефъ. Я плакала, слушая его.

Какъ было не перемѣниться всему при такомъ ученіи, Анатольт И точно, міръ сталъ измѣняться. Только, Жозефъ жалѣетъ, что христіанство и до сихъ поръ ушло немного дальше древняго міра въ любви и милосердіи къ ближнему. Если онъ не ошибается, какъ это грустно!

Когда въ Римѣ стало распространяться христіанство—древнему народу это не понравилось; страшная кара обрушилась надъ христіанами, явились мученики. Вотъ это время еще пограндіознѣе жизни древняго Рима; должно быть, оно оставило величественные слѣды. Затѣмъ, варварскіе народы затопляютъ своими легіонами Римскую имперію. Христіанство оставливаетъ вліяніе магометанства и создается величіе папъ. Крестоносцы идутъ въ Іерусалимъ: западъ сталкивается съ Востокомъ; народы сближаются—и такъ продолжается до открытія Америки. Съ открытіемъ Америки, значеніе Средиземнаго моря уменьшается, является новый свѣтъ, открываются новые пути и возможность новой дѣятельности.

Вотъ, милый Анатольт въ узенькой рамкѣ то, о чемъ съ живописными подробностями говорилъ нѣсколько вечеровъ Жозефъ.

Вечеръ, воскресенье.

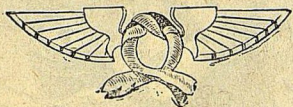
Я такъ наслушалась и надумалась о Римѣ и Италиі, что они стали мерещиться мнѣ во снѣ и на яву. Вчера ночью мнѣ приснилось поле и горы римской Кампаніи, съ полуразрушенными арками древнихъ водопроводовъ, пропадающія въ безконечной дали. Все это освѣщало закатывающееся солнце, безпрестанно мѣняя свой свѣтъ. Вдругъ поднялась роса—все облилось туманнымъ пурпуромъ и скрылось быстро въ наступившей ночи.

А сегодня, въ сумерки, сижу я на моемъ любимомъ креслѣ въ своей комнатѣ, возлѣ затвореннаго окна. Погода, вотъ уже дня три, стоитъ сѣренькая, мороситъ мелкій дождь, точно сквозь рѣшето сѣтеъ, и на душѣ какъ-то туманно. Такъ сижу я у окна, задумалась обо всемъ, чего наслушалась въ эти три недѣли, и до того забылась, что мнѣ показалось, будто я сижу не на креслѣ у бабушки въ деревенскомъ домѣ, а гдѣ-то на ступеняхъ какого-то полуразрушеннаго храма, прислонившись спиной къ колоннѣ,—колонной мнѣ казалась спинка креселъ, довольно жесткая; вообще, у бабушки мебель не отличается мягкостью и роскошью: они съ дядей по натурѣ, кажется мнѣ, больше спартанцы; и такъ, сижу я и думаю, что за дивная фантазія, что за смѣлые размѣры этого храма, а мимо меня, отъ времени до времени, шныряютъ летучія мыши, слышу шорохъ за спиной, это няня входила и выходила изъ комнаты и убирала что-то въ ней. Вдругъ, среди наставшей глубокой тишины, раздался крикъ совы, — да такъ ясно, точно надо мной. Я вздрогнула и открыла глаза,—сова кричитъ въ самомъ дѣлѣ, кричитъ — совѣмъ какъ въ комнатѣ. Я громко зову няню, Анюту—онѣ теперь все вмѣстѣ сидятъ въ няниной каморкѣ и взапуски вяжутъ чулки. Обѣ прибѣжали. Откуда это, говорятъ, нелегкая сову принесла?—все вмѣстѣ всматриваемся въ полумракъ. „Ну, такъ и есть!“ вскрикиваетъ Аня, „на тополѣ умѣстилась, сейчасъ скажу дворовымъ людямъ,—ишь повадилась, это не впервые.“ Пока Аня бѣгала, совы и

слѣдъ простылъ. Такъ и не нашли никого въ тополяхъ. И бабушка было заинтересовалась совой.

Завтра бабушка рѣшила всѣмъ намъ идти въ боръ за брусникой, если не будетъ дождя; потомъ будемъ бруснику перебирать, варить изъ нея варенье съ яблоками и моченую готовить. Бабушка говоритъ, что мы наготовимъ разныхъ запасовъ на зиму, не только что для нихъ, но и для мамы съ папой,—и все будетъ нашихъ съ бабушкой трудовъ и нашей стряпни. Это меня до того обрадовало, что я въ душѣ попросила Бога послать завтра ясную погоду, чтобы можно было идти въ лѣсъ и скорѣй приняться за бруснику. До свиданья, другъ Анатоль, спать пора—сонъ клонить.

Катя.

Въ № 33-мъ, вмѣсто предназначеннаго рисунка, „Черногорца“, по ошибкѣ помѣщенъ рисунокъ изъ сочиненій Жуля Верна.

ИТАЛЬЯНСКІЕ ТИПЫ.

Редакторъ-издательница Т. ПАСЕКЪ.

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 сентября 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Врѣмена нѣтъ, а. № 11—2.